

**НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ СЮЖЕТЫ
О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ДОНСКИХ СЛАВЯН**

Елецкий городской краеведческий музей

Pereletov R.N.

**SOME DISCUSSIONS
ON AGRICULTURAL ECONOMY OF THE DON SLAVS**

Yelets City Local History Museum

Реферат: *Исследуется вопрос о роли земледелия в жизни донских славян. Автор опирается на археологические свидетельства и данные письменных источников, прежде всего, арабских авторов. Он приходит к выводам о том, что земледелие отнюдь не было главной отраслью производства донских славян, хотя и играло в их жизни довольно серьезную роль. над земледелием послужило тем самым фактором, благодаря которому значительная часть боршевцев в середине X века, смогла подвергнуться миграционным процессам и сравнительно легко уйти с насиженных мест.*

Ключевые слова: *земледелие, донские славяне, промыслы, торговля с восточными странами, земледельческие орудия труда.*

Abstract: *The question of the role of agriculture in the life of the Don Slavs is investigated. The author relies on archaeological evidence and data from written sources. The author analyzes the Arabic sources. He comes to the conclusion that agriculture was not the main branch of the economy. In the economy of the Don Slavs, handicrafts and animal husbandry prevailed. The Slavs left their settlements in the middle of the X century.*

Keywords: *agriculture, Don Slavs, trades, trade with eastern countries, agricul-*

¹ Перелетов Роман Николаевич - научный сотрудник Елецкого городского краеведческого музея.

tural implements.

Еще в 1990–е гг. В.Б. Перхавко впервые подверг серьезной критике устоявшиеся в отечественной историографии представления о степени развитости земледелия и зернового производства в России в эпоху Средневековья [23, с. 16-28]. Указав на отсутствие специальных исследований по данной проблеме, В.Б. Перхавко выделил наиболее значимые работы, в которых затрагивались отдельные ее аспекты, и показал слабые стороны в ключевых положениях и выводах своих предшественников.

Самой серьезной критике В.Б. Перхавко подверг мнение Н.Я. Аристова, П.В. Голубовского, И.М. Шекеры и других ученых о том, что хлеб в Древней Руси импортировался в страны Европы и в Византию наряду с пушниной, воском, кожами и медом [3, с. 203; 11, с. 136; 36, с. 22]. В силу традиционного мнения о высоком развитии земледелия у восточных славян последователи этих авторов порой не обременяют себя поиском письменных источников, подтверждающих факты таких поставок. Не сославшись ни на один источник, И.М. Кулишер писал, что ганзейские купцы закупали хлебные продукты не только в Северной

Германии, Польше, Дании, Швеции, Англии, но и в России, и сбывали их во всех странах Балтийского моря, держа в своих руках хлебную торговлю Новгорода [18, с. 13-14]. Л.В. Алексеев точно также без каких-либо обоснований упоминает о вывозе через Смоленское княжество на Запад зерна, поступавшего из Владимиро-Суздальской земли [1, с. 106; 2, с. 91].

После выхода в свет в 1948 г. работы Б.А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» среди целого ряда ученых сформировалось мнение, что устойчивый экспорт зерна из Приднепровья имел традиции, восходящие к римской эпохе. По мнению Б.А. Рыбакова, «именно земледелие являлось связующим звеном между Римом и Приднепровьем», на что косвенно указывает совпадение мер сыпучих тел – римских амфореуса (квадрантала) и медимна, с одной стороны, и русских четверика и полосьмины – с другой (соответственно 26,24 и 52,48 литра) [30, с. 42-43]. Эту точку зрения, не подкрепленную, по мнению В.Б. Перхавко, достоверными источниками, поддержали М.Ю. Брайчевский, В.И. Довженко и ряд других исследователей, писавших о развитой хлеботорговле с Римской империей населения чер-

няховской культуры, часть которого отождествляется с предками восточных славян [6, с. 247-285; 7, с. 27-37; 13, с. 171; 28, с. 230, 237; 31, с.20; 37, с. 16-23]. Сам В.Б. Перхавко в этой связи склонен поддержать мнение В.В. Кропоткина, подвергнувшего эту гипотезу обоснованному сомнению из-за отсутствия конкретных данных письменных источников и шаткости метрологических доказательств. В действительности греческие (а не римские) меры объема – амфореус и медимн, на которые ссылается Б.А. Рыбаков, имели широкое хождение и позднее в Византийской империи, но первые свидетельства об использовании аналогичных по величине мер относятся лишь к XV – XVI вв., что не дает оснований говорить об их прямом заимствовании в результате торговли предков восточных славян с римлянами зерном [17, с. 112-113].

В свою очередь, подвергнув внимательной переоценке имеющиеся письменные источники, В.Б. Перхавко пришел к выводу, что русским купцам в X – XVI вв. с учетом накладных и транспортных расходов было просто невыгодно вывозить хлеб за границу. Экспорт или импорт хлеба в это время носил случайный характер и происходил в исключительных обстоятельствах в периоды неурожая и массового го-

лода. Вместе с тем, хлеб и зерновые культуры пользовались большим спросом во внутрирусском товарообороте. Регулярные и массовые поставки русского хлеба в Англию, Данию, Голландию, Швецию начались гораздо позднее, лишь с XVII в., под воздействием целого ряда внутренних и внешних факторов. Среди обстоятельств вызвавших массовый экспорт русского зерна В.Б. Перхавко называет: рост феодального землевладения, увеличение крестьянских повинностей, освоение черноземных южных областей «Дикого поля», резкое повышение спроса на зерно в странах Западной Европы вследствие сокращения посевных площадей и возрастание стоимости зерна в результате так называемой «революции цен» [17, с. 25].

Впрочем, далеко не все аргументы В.Б. Перхавко могут быть признаны как абсолютная истина. В своих выкладках и расчетах он забывает, например, что одной из самых ранних форм налогообложения подавляющего большинства населения в Восточной Европе была натуральная феодальная рента или натуральный оброк. В качестве предметов получаемых племенным вождем или правителем страны, области, региона, сельской округи и т.д. могли выступать любые производимые здесь товары, в том числе и продук-

ты питания, хлеб, зерновые и огородные культуры. Первоначальная стоимость излишков таких продуктов для их получателя равнялась абсолютному нулю, так как он не прикладывал усилий к их производству. Подчеркнем, что речь идет именно об излишках, то есть о тех продуктах, которые оставались после выделения необходимых ресурсов для кормления и платы дружине и слугам. Именно эти излишки могли по самой низкой цене продаваться иностранным купцам или владельцам кораблей, для которых не было нужды платить какой-либо фрахт кроме заработной платы команде и таможенных сборов за ввоз и вывоз товаров.

Конечно, эти торговые операции должны были носить нерегулярный характер в плане объема поступавшей на рынок продукции, поскольку ее поставки зависели от урожайности в тот или иной год и от степени загруженности судна или каравана более дорогостоящими грузами. Также серьезной проблемой для купца во время урожайного года был вопрос реализации такого рода товара, поскольку в данный период рынок не испытывал в нем нужды. Мы склонны полагать, что закупка излишков продовольствия осуществлялась главным образом владельцами порожних судов и прочих транс-

портных средств при отсутствии возможности закупить какой-либо другой более дорогой товар, причем закупки пригодных для длительного хранения зерновых должны были делаться в основном впрок в расчете на реализацию в период сезонного колебания цен, неурожайного года или голода. И весьма вероятно, что часть этих продуктов могла в таком случае возвращаться к их первоначальному производителю.

Вспоминая, упомянутый В.Б. Перхавко, знаменитый эпизод о голоде 1024 года во Владимиро-Суздальской земле, когда купцы привезли в пострадавшие районы хлеб из Волжской Булгарии, осмелимся предположить – мало вероятно, что земледелие в Среднем Поволжье сильно опережало по производительности аналогичную отрасль в землях Северо-Восточной Руси [24, стб. 147; 26, с. 78]. Между тем Булгария в силу географических особенностей своего расположения служила для населения бассейнов Оки и Верхней Волги воротами на восток. Несложно представить, что в Волжской Булгарии за предыдущие годы могли накопиться излишки зерновых, часть которых ранее поступила из пострадавших в последствии от голода мест. Именно это «жито» и могло, в конце концов,

вернуться к голодным производителям.

Еще одними и на этот раз постоянными потребителями продуктов питания, независимо от наличия или отсутствия их излишков на рынке, должны были быть сами иностранные торговцы и команды их судов и караванов. Трудно вообразить, что путешественники и неогоцианты брали с собой в весьма и весьма дальние странствия запасы продовольствия на все время своих поездок. Нельзя забывать и том, что часть необходимых припасов неизбежно портилась в пути, а, кроме того, ни один путешественник не мог заранее определить продолжительность непредвиденных задержек в дороге и в том или ином торговом центре. Думается, что именно по этой причине включался в знаменитые «договоры с греками» специальный пункт о предоставлении русским купцам, находившимся в Константинополе, права получать так называемую «месячину» в виде продуктов питания [25, с. 22, 37]. И хотя в договорах об этом нет ни слова, нам кажется маловероятным, чтобы всех русских купцов кормили бесплатно. В «праве месячины» нам видится официальное разрешение иностранным купцам на закупку продуктов питания в столице Византийской империи, огромном городе, периодически испы-

тывавшем перебои с поставками продовольствия.

И, тем не менее, затронутая В.Б. Перхавко проблема заслуживает самого серьезного внимания широкого круга ученых, археологов и источниковедов. Мы полагаем, что подлинно научная дискуссия по данной проблематике должна начинаться с избавленного от догматизма непредвзятого пересмотра имеющихся на сегодняшний день материалов по истории земледельческого хозяйства славян. Полученная в итоге картина вряд ли будет однородной. В различных регионах на развитие данной отрасли производства оказывали влияние климат, ландшафт, состав, плодородие и степень орошаемости почвенных грунтов, продолжительность холодного времени года, уровень хозяйственного развития населения и его плотность и многое другое. Поэтому справедливым на наш взгляд будет на первых порах узко региональный подход в попытке подобного исследования. Лишь много позднее на основании целого ряда аналогичных исследований можно будет делать выводы, которые весьма вероятно коренным образом перевернут наше представление о хозяйственном укладе восточных славян. В силу всего выше сказанного мы и задумали подвергнуть некоторой переоценке имеющиеся на сего-

дняшний день материалы по истории земледельческого хозяйства донских славян.

Наиболее ранними письменными источниками по истории земледельческого хозяйства славян Восточной Европы могут быть признаны сообщения арабских авторов восходящие к «Анонимному описанию северных народов» начала IX в. Конечно, все они с трудом прикрепляются к реальной исторической географии, но по некоторым данным их сведения о славянах могут быть отнесены к региону Доно-Днепровского и Волго-Донского водоразделов, куда арабские купцы во время своих путешествий в пределы славянского мира попадали прежде всего. Самым ранним компилятивным сочинением этой группы источников является «ал-А'лак ан-нафиса» или «Книга драгоценных украшений» Ибн Ростэ (начало X в.) [22, с. 387, 389; 38, s. 143-145]. В отрывке, посвященном славянам, автор среди прочего сообщает несколько противоречивую информацию: «...Страна славян – ровная и лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей...» А ниже в этом же отрывке сказано: «...Большая часть их посевов из проса. Во время жатвы они берут ковш с просяными зернами, поднимают к небу и говорят: “Господи, ты который (до сих

пор) снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии”...» [22, с. 387, 389]. А.П. Новосельцев полагал, что все противоречия данного свидетельства вызваны тем, что автор первоначального варианта (предположительно Ибн Хордадбех) получал информацию не об одном каком-то славянском племени, а о разных племенах, проживавших на разной территории в различных климатических и географических условиях [22, с. 393].

По нашему же мнению, между данными отрывками нет принципиального противоречия. Археологические материалы, более подробно мы рассмотрим их ниже, показывают, что на поселениях славян Восточной Европы в рамках IX – X вв. почти не встречаются железные сошники. У боршевцев металлический наральник до сих пор обнаруживался лишь один раз. Мнение П.П. Ефименко, П.Н. Третьякова и А.З. Винникова о широком применении деревянного плуга в регионе, где было распространено подсечно-огневое земледелие, выглядит несколько странно [15, с.12; 8, с. 40, 42]. Важно и то, что по данным того же Ибн Ростэ у славян нет рабочих лошадей, хотя известно разведение этих животных царем славян для получения кобыльего молока [22, с. 388]. Таким образом, земледелие

славян должно было быть в основном не пашенным, а, скорее всего, мотыжным и малопроизводительным. Отсюда и фраза об отсутствии *пахотных* полей. И тем не менее земледелие вообще, по Ибн Ростэ, играло важную роль в жизни славян, поскольку у них существовали даже особые религиозные обряды, сопровождавшие процесс уборки урожая.

Прочие более поздние компиляторы «Анонимного описания северных народов» также придерживались невысокого мнения об уровне земледелия у славян. Анонимный автор сочинения «Худуд ал-‘Алам» или «Пределы мира» (конец X в.) в аналогичном эпизоде после несколько сумбурного рассказа о больших лесах, о расположении земли славян по отношению к Византии, Булгарии, Черному морю и Кавказу (Грузинскому морю) писал: «... у них нет иных посевов, кроме проса, и нет винограда...» [22, с. 389; 39, s. 37b, 158-159]. Несомненно, что под иными посевами подразумеваются прочие употребляемые в пищу зерновые культуры. Ниже сообщается, что одежда славян изготавливается «большею частью из льна», что несколько расширяет представление предыдущего источника о земледельческих культурах последних [22, с. 289].

Сочинение Гардизи «Зайн ал-ахбар» или «Краса повествований» (середина XI в.) ближе всего стоит к аналогичному рассказу Ибн Ростэ, хотя в нем есть некоторые интересные отличия. Эпизод о полях звучит так: «Риса у них (у славян – Р.П.) нет, и нет засеянных полей» [5, с. 98-100]. Пожалуй, впервые компилятор вообще не упоминает об отсутствии у славян винограда, зато говорит об отсутствии риса. В дальнейшем рассказ о земледелии становится почти идентичным: «...большая часть их посевов из проса. И когда приходит время жатвы, все то зерно (оставшееся от предыдущего урожая – Р.П.) кладут в ковш, затем поднимают голову к небу и говорят: “Это дал ты нам в этом году, сделай нас обильными и в следующем”...» [22, с. 390]. Относительно же рабочего скота славян говорится просто, что «лошадей у них мало», хотя несколько ранее сообщается, что славяне почитают быка (видимо в религиозном плане), но, как широко распространен бык в хозяйстве славян, не сказано [22, с. 390].

Наконец Тахир ал-Марвази в «Таба’и ал-хайаван» или «Природе животных» (конец XI – начало XII вв.) коротко повторяет основные уже прозвучавшие ранее моменты: «...У них (славян – Р.П.) нет виноградников...Сеют (славяне – Р.П.)

главным образом просо...И их средства существования не избыточны...У царя есть верховые лошади, и он питается их молоком...» [22, с. 391; 40, р. 22-23, 35-36]. Принципиальные отличия данного сочинения от предыдущих – это свидетельство об общем невысоком уровне хозяйства славян и сообщение о том, что лошади их царя являются верховыми.

Таким образом, все авторы данной группы письменных источников сходятся во мнении о невысоком уровне земледельческого хозяйства восточных славян, все подтверждают наличие у них посевов проса, в одном случае упоминается лен. Дважды говорится об отсутствии или небольшом количестве рабочего скота. Почти все сочинения содержат упоминания об отсутствии у славян винограда и в одном случае риса. Не исключено, что последние культуры служили предметом торговли арабских купцов со славянами. По свидетельству Ибн Фадлана (дипломатическая миссия в Волжскую Булгарию 922 г.) арабские купцы во время поездок на территорию Восточной Европы помимо тканей возили с собой изюм, мускатный орех, перец и то же просо. И это при том, что в землях царя славян произрастали и просо, и ячмень, и пшеница, и рожь [10, с. 469, 471, 472]. Хотя

нельзя исключать и того, что у компиляторов «Анонимного описания северных народов» в эпизодах о рисе и винограде содержится всего лишь сетование путешественников с Востока на отсутствие привычной еды и напитков в землях славян.

Пожалуй, самым сильным аргументом против сообщений компиляторов «Анонимного описания северных народов» является свидетельство известного арабского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати («Выбор воспоминаний о чудесах стран»). В отличие от своих предшественников он лично посетил Восточную Европу в середине XII века (1150-1153 гг.). Эпизод о развитии земледелия славян звучит у него более чем прозрачно: «Когда я прибыл в их страну (страну славян – Р.П.), то увидел, что это страна обширная, обильная медом и пшеницей и ячменем и большими яблоками, лучше которых ничего нет. Жизнь у них дешева...» [27, с. 35-36]. Однако, во-первых, нельзя забывать и о том, что данные ал-Гарнати относятся к более позднему времени, чем все выше названные источники. Во-вторых, «славянская река», по которой ал-Гарнати ехал в Киев из Волжской Булгарии – это не Дон и не Волга, как у Ибн Хордадбега или Ибн ал-Факиха, а Ока [14, с. 201-202].

Зато, Гильом де Рубрук, пересекавший именно Дон в среднем течении реки в середине XIII века (1253-1256 гг.), сообщил о земледелии древнерусского населения региона Донского бассейна сведения очень близкие по содержанию к сообщениям о земледелии славян Восточной Европы, рассмотренным нами в сочинениях у компиляторов «Анонимного описания северных народов». Самое интересное, что, также как и арабские географы у славян, францисканский монах отметил у древнерусского населения Среднего Дона наличие больших посевов проса в противовес прочим зерновым культурам: «В то время они жали рожь. Пшеница не родилась там хорошо, а просо имеют они в большом количестве» [16, с. 108]. Информация последнего автора, по нашему мнению, может служить косвенным доказательством правдоподобия данных арабских географов, несмотря на их компилятивный характер, а также, на наш взгляд, косвенно подтверждает отношение этих данных именно к региону Донского бассейна и к славянам боршевской культуры. И, тем не менее, все приведенные выше данные без опоры на археологические источники должны быть признаны малодостоверными.

Археологические материалы, так или иначе имеющие отношение к

земледельческому хозяйству донских славян, на сегодняшний день встречены преимущественно на городищах, а не на селищах боршевской культуры. Впрочем, последние до сих пор слабо изучались систематическими раскопками. Самые значительные находки этого рода происходят с Животинного городища и городища Титчиха. Кроме того, некоторые показательные материалы, связанные с земледелием, имеются на Кузнецовском, Воргольском, I Белогорском, а также на Большом и Малом Боршевских городищах и на поселении Дрониха [8, с. 39-43, 154-162].

Прежде всего, следует сказать несколько слов о *зерновых культурах* обнаруженных на поселениях донских славян. Наиболее разнообразная коллекция зерна происходит с Животинного городища. Здесь оно было обнаружено в ямах № 55 и № 171. Среди зернового комплекса Животинного городища по определению Н.А. Кирьяновой специалиста лаборатории ИА РАН встречены семена пшеницы, проса, чечевицы, ячменя, гороха и льна [8, с. 39-43; 9, с. 120].

На городище Титчиха в период раскопок А.Н. Москаленко в полуземлянках № 16 и № 22 на стенках и на дне сосудов были обнаружены остатки зерен ячменя, ржи, проса и

гороха. Определение зернового комплекса городища Титчиха также производилось Н.А. Кирьяновой [21, с. 25, 66]. Аналогично несколько ранее раскопками П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова на Большом Боршевском городище в очаге землянки № 22 были найдены обгорелые остатки проса. Их определение было произведено К.Д. Фляксбергом [15, с. 55].

Самый большой по объему комплекс семян на территории Донского бассейна происходит с Кузнецовского городища. Здесь в ходе охранных раскопок сотрудниками Воронежского областного музея Н.В. Валуйкинским и И.Д. Смирновым был собран большой объем обгорелых зерен пшеницы. В хозяйственной яме № 1 его объем равнялся примерно 16 кг, а в хозяйственной яме № 2 – примерно 20 кг. Кроме того, в жилом помещении землянки Г или № 24 (в оценке П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова) на полу на площади 1 кв. м. и на обломках противня были также обнаружены зерна пшеницы россыпью. Из комплекса семян той же землянки происходит еще и одно бобовое зерно. По оценке К.Д. Фляксберга, все упомянутые зерна Кузнецовского городища, кроме бобового, принадлежат к так называемой мягкой пшенице, исключительно пестрой по размеру зерен и силь-

но загрязненной семенами различных сорняков [15, с. 102-103].

Таким образом, косвенные данные письменных источников о преобладании у донских славян посевов проса над остальными культурами в основном подтверждаются соответствующими археологическими материалами. Из четырех перечисленных мест обнаружения зерновых культур три содержат в своих комплексах просо. Сохранившийся большой объем пшеницы Кузнецовского городища – скорее всего, результат случайности, а не свидетельство ее преобладания. Зерно в этом месте сохранилось благодаря особенностям грунта и термической обработке во время пожара, уничтожившего помещения, где оно находилось. Примечательно, что эта культура довольно низкого сорта. Впрочем, у нас почти не вызывает сомнения именно местное происхождение данной пшеницы, поскольку в ней наблюдается обилие сорняков. Хотя утверждать это наверняка мы не решимся в отношении всех перечисленных культур.

К категории бесспорных доказательств существования земледельческого хозяйства у донских славян мы однозначно причисляем *находки орудий обработки почвы*. К ним будут относиться мотыги и детали плугов. Но как раз такие находки у

боршевцев весьма и весьма немногочисленны. На городище Титчиха обнаружен вышеупомянутый единственный на сегодняшний день среди боршевских материалов экземпляр железного наральника. Он представляет собой обломок широколопастного наральника подошвенного рала в форме равностороннего треугольника толщиной около 1 см и длиной граней около 8 см. Эта находка по оценке А.Н. Москаленко имеет аналогию на Новотроицком городище. Подобные наральники встречаются по всей лесостепной зоне, и их появление характерно для периода становления Древнерусского государства [21, с. 63]. На Животинном городище обнаружены железные наконечники оковок деревянных орудий, которыми обрабатывали землю. К такого типа орудиям относятся также некоторые наиболее крупные мотыжки, которые встречены и на славянских поселениях на реке Воронеж [8, с. 42]. Подобного рода предмет с расширяющимися лопаточковидными концами встречен на Малом Боршевском городище, а, кроме того, еще одна железная мотыжка происходит с поселения Дрониха [8, с. 155. 162]. Приведенные здесь археологические материалы окончательно убеждают нас в преобладании у боршевцев ого-

родничества и мотыжного земледелия над пашенным.

Однако для полноты освещения этого вопроса обратимся еще к оценке *костных останков лошадей* с поселений донских славян. Вообще лошадь среди остеологического материала боршевских поселений – явление весьма частое, но, как правило, немногочисленное. Всего лишь одна особь лошади обнаружена на II Белгорском городище, две особи происходят с Воргольского городища, на Малом Боршевском их уже три, на Кузнецовском – четыре, на Большом Боршевском и I Белогорском – по пяти, на Архангельском – восемь. И лишь на двух городищах количество останков особей этих животных довольно велико: на Титчихинском – четырнадцать, а на Животинном – сорок девять [8, с. 47].

По определению О.П. Журавлева среди костей животных обнаруженных на Животинном городище менее 40 % относятся к домашним, а более 60 % – к диким. При этом лошадь составляет 20 % всех животных отнесенных к домашним. Из этого числа 75 % лошадей являются взрослыми, а 25 % относятся к молодняку и полувзрослым лошадям [8, с. 43, 47-48].

Вопрос о назначении лошадей с поселений боршевских славян является спорным. Еще до появления

этих материалов В.И. Громова, анализирующая остеологические материалы Боршевских городищ, высказала мысль об использовании лошадей не только в качестве тягловой силы и средства транспорта, но и в питании [12, с. 118]. В пику ей И.И. Ляпушкин отмечал, что у оседлого населения «...лошадь не принадлежала к числу убойных животных, а служила для хозяйственных надобностей и в пищу попадала лишь в случае непригодности к работе» [19, с. 139]. Близкие взгляды высказывала и А.Н. Москаленко [21, с. 68]. В.И. Цалкин, изучавший костный материал Титчихи, не согласился с И.И. Ляпушкиным и писал, что использование конины в пищу «... было и более регулярным, и более широким, на что указывает относительно высокий процент лошади в костных остатках» [35, с. 101]. А.З. Винников сомневается, что лошадей выращивали на мясо. Лошади, по его мнению, близкому к мнению И.И. Ляпушкина, это, прежде всего, рабочие животные и в пищу использовались лишь в случае непригодности к работе, а также в засушливые и неурожайные годы, когда их нечем было кормить [8, с. 48].

Нас смущает обилие костных останков лошадей на Животинном городище. Такое явление должно скорее подтверждать правоту В.И. Гро-

мовой и В.И. Цалкина. Невольно вспоминаются рассказы арабских авторов о разведении славянами кобылиц для производства кобыльего молока. К сожалению, в опубликованных А.З. Винниковым материалах не говорится о том, к каким биологическим видам относятся лошади Животинного городища. На Большом Боршевском городище все они низкорослые и отнесены авторами раскопок скорее к диким тарпанам, а не к домашнему тягловому скоту. На Воргольском городище обе находки являются ритуальными строительными жертвами, хотя справедливости ради надо сказать, что именно отсюда происходят немногочисленные у боршевцев предметы конской упряжи. На наш взгляд изобилие лошадей могло бы еще подтвердить наличие или периодическое присутствие на Животинном городище кочевнического населения, но от этой мысли заставляет отказаться небольшое количество костных останков мелкого рогатого скота выпавшегося кочевниками. Костные останки овец и коз здесь не превышают 8,5 % от всего домашнего скота и равняются 20 особям. Впрочем, весьма велико на Животинном городище поголовье крупного рогатого скота. Всего обнаружено 95 особей, что превышает 40 % домашних животных. В то же время особей

свиньи найдено 68, что превышает 28 % всех домашних животных [8, с. 47].

Приведенные данные заставляют нас предположить в жителях Животинного городища в большей степени животноводов и охотников, чем земледельцев.

К категории *орудий применявшихся при уборке урожая* относятся серпы и косы. Один целый серп и три обломка серпов обнаружены на городище Титчиха [21, с. 29]. Отсюда же происходит бабка для отбивания кос. Один серп обнаружен на I Белогорском городище [8, с. 40, 159]. На Воргольском городище известна нечетко атрибутированная находка обломка серпа или косы [33, с. 37]. Кроме того, отсюда же происходят обломки, по крайней мере, еще двух серпов [8, с. 161]. Наконец на Животинном городище обнаружена единственная на славянских памятниках Дона целая коса. Аналогичные косы известны на ряде других славянских поселений второй половины I тысячелетия новой эры [8, с. 48]. Из приведенного перечня видно, что орудий труда этой категории у боршевцев столь же мало, как и орудий обработки почвы. Кроме того, следует учитывать еще и то обстоятельство, что серпы и косы могли применяться славянами не только при жатве, уборке зерновых

культур, но и при заготовке корма домашнему скоту.

Пожалуй, самую многочисленную коллекцию представляют предметы, которые могли использоваться при *обработке зерновых культур*. К их числу мы отнесем жернова, зернотерки, ступки, песты и противни. Среди названных орудий на поселениях боршевцев преобладают жернова. На Титчихинском городище встречено 65 обломков жерновов [21, с. 33]. На Малом Боршевском городище найден жернов с намечающимся отверстием [8, с. 40]. Один целый жернов и еще не менее двух обломков жерновов обнаружены на Воргольском городище [34, с. 100]. Обломки жерновов выявлены и на Животинном городище, но, как указывает А.З. Винников, при значительно исследованной площади количество их очень мало – не более десяти кусков [8, с. 40]. На всех памятниках они обнаружены за пределами каких-либо построек. Лишь на Большом Боршевском городище жернова находились в полуземляночных постройках № 17 и № 19, причем первую авторы раскопок обозначили как помещение для размолла зерна (мельница), а на Кузнецовском городище обломки большого круглого жернова были обнаружены в очаге землянки Д [15, с. 59-71]. По мнению Р.С. Минасяна, за-

нимавшегося изучением ручных жерновов Восточной Европы, жернова, встреченные на памятниках донских славян, являются «...одним из стойких признаков культуры восточнославянского населения...» [20, с. 170].

Поскольку полуземлянка № 17 Большого Боршевского городища – единственное известное строение донских славян, определенное как мельница, то мы обратим на нее более пристальное внимание. Это была полуземлянка 4,6 × 4,9 м., в которой, по некоторым признакам, наличествовал деревянный пол. Ручные жернова, обнаруженные на полу данного помещения, изготовлены из известняковой плиты с многочисленными вкраплениями окаменелых раковин, обработанной со всех сторон, за исключением трущихся плоскостей, путем довольно грубой формовки – скалыванием целых кусков породы, посредством чего ей была придана приблизительно округлая форма. Плоские трущиеся поверхности жерновов были стесаны каким-то узколезвийным металлическим инструментом, следы от которого ясно видны на обоих жерновах. Отверстия в середине жернова делались не сверлением, а были выдолблены, и поэтому их форма не вполне правильна. Размеры жерновов, верхнего и нижнего, приблизительно одина-

ковы. Нижний жернов имеет диаметр около 50 см, являясь по форме весьма неправильным кругом; толщина его равна 4 см, диаметр отверстия – 7 см. Верхний жернов чрезвычайно массивен, по толщине в два с половиной раза превышая нижний; диаметр же его меньше, чем у нижнего на 3-4 см. Это тоже очень неправильный круг. Отверстие в верхнем жернове такое же, как и в нижнем [15, с. 53].

В помещении № 17, непосредственно около того места, где лежали рядом друг с другом описанные выше жернова, были обнаружены в полу две небольшие ямы, диаметром каждая около 25 см, глубиной 20 см, в расстоянии 40 см одна от другой. В отличие от других углублений, служивших для удержания вертикально стоящих столбов, стенки этих двух ям, особенно в верхних частях, были сильно выщерблены и имели воронкообразную форму. Такое разрушение стенок ям указывает, что они испытывали сильное боковое давление, так как столбы, стоящие в них, не были неподвижными, а раскачивались из стороны в сторону. Эти ямы, вероятно, удерживали ту установку, на которой помещались жернова, устроенные, вероятно, так же, как и современные ручные мельницы, приводимые в движение с помощью рычага, один конец которого

укрепляется в особом кронштейне над центром жерновов, другой же конец прикрепляется к краю верхнего жернова.

Вторая пара жерновов, найденная в землянке № 19, отличается от описанной выше лишь несколько меньшими размерами. Диаметр нижнего жернова землянки № 19 равен 32 см; его толщина 5 см, диаметр отверстия 5,5 см. Верхний жернов, более массивный, сохранился лишь в нескольких обломках, входивших в состав каменной кладки очага. Это обстоятельство, по мнению П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова, означает, что жернова в землянке № 19 не использовались по своему прямому назначению, а служили как простые камни и, вероятно, были принесены сюда именно для этой цели. Отдельные небольшие куски жерновов находились и в некоторых других землянках [15, с. 53, 69].

Показательно, что мельничное помещение и хозяйственные ямы Большого Боршевского городища не сохранили никаких культурных растений. Определенно можно говорить лишь о наличии здесь вышеупомянутого проса, обгорелые остатки которого были найдены в очаге землянки № 22 [15, с. 55]. По вполне естественным причинам на основании всего выше сказанного у нас возникает ряд вопросов. Каким образом

перемалывалось зерно на грубо изготовленных жерновах? Почему под остатками деревянного пола мельницы в меловом грунте Большого Боршевского городища не сохранилось ни одного зерна, в то время как на других поселениях боршевцев оно в сходных, а порой и в гораздо худших условиях хранилось до наших дней? И если это определено была мельница, то, что же на ней в таком случае перемалывалось?

Исходя из имеющихся данных, осмелимся предположить, что это помещение использовалось, скорее всего, для размола соли, необходимой при обработке рыбы. Только соль за несколько столетий могла раствориться бесследно под воздействием влажного климата умеренного пояса. «Вирный покон» Русской Правды упоминает соль не как сыпучее тело, а измеряет ее «головаженами», то есть каменными глыбами [32, с. 88-110]. О том, что рыбаки Дона даже в XV в. сами размалывали соль, свидетельствует венецианский предприниматель, путешественник и дипломат Иосафат Барбаро. У него в собственном владении находилась донская рыболовецкая пескьера, на которой имелись не только помещения для обработки и хранения рыбы, но и мельница для размола соли [4, с. 43-44, 144-145]. Думается, что соль глыбами стоила

несравненно дешевле молотой соли, поскольку помол ее был довольно трудоемким и долговременным процессом.

Нужно отметить и еще ряд немаловажных обстоятельств. Почти во всех помещениях Большого Боршевского городища обнаружены костяные иглы-кочедыги, использовавшиеся для плетения сетей. Кроме того, достаточно частыми находками здесь являются рыболовные крючки или грузила. Наконец в ряде хозяйственных ям этого поселения найдены настоящие склады рыбы, то есть скопления костных останков и чешуи рыб, достигавшие толщины в 10 см. Таким образом, в качестве основного занятия жителей Большого Боршевского городища следует называть рыболовный промысел.

Многочисленные находки орудий рыбной ловли и костных останков рыб встречены практически на всех поселениях донских славян. По этой причине все описанные жернова боршевцев могут гипотетически рассматриваться не только как орудия для обработки зерновых, но и, как в описанном выше случае, в качестве инструментов необходимых для размола соли.

Кроме жерновов в хозяйстве донских славян использовались вышеупомянутые зернотерки. Находки зернотерки и пестов отмечены на

Титчихинском городище [21, с. 33]. На Кузнецовском городище найдены каменные обломки терки и пест из круглого валуна [15, с. 98]. Аналогичная находка есть и на Животинном городище, а, кроме того, каменный пест и плиты для растирания встречены в восьми постройках Большого Боршевского городища [15, с. 46]. Причем почти все эти предметы обнаружены возле печей на полу жилищ. А.З. Винников полагает, что И.И. Ляпушкин был неправ, когда писал, что найденные на славянских поселениях каменные зернотерки «никакого отношения к славянской культуре VIII – IX вв. не имеют» [8, с. 40]. Зернотерками пользовались для размола зерна в незначительном количестве, не заготавливая таким образом муку впрок. Кроме того, зернотерки, по мнению А.З. Винникова, могли использоваться для размола и каких-либо других продуктов [8, с. 40-41].

Весьма частым явлением в жилищах и печах славян боршевской культуры должны быть названы обломки больших противней, которые, как считает А.З. Винников, могли служить для просушки зерна перед обмолотом. Нет ни одного поселения донских славян, где бы подобные обломки не встречали зачастую в нескольких местах. Мы, впрочем, в большей степени склоняемся в

оценке этих материалов к точке зрения П.П. Ефименко и П.Н. Третьякова [15, с. 60]. С таким же успехом эти противни в повседневном быту могли играть роль обыкновенных сковородок и не только для сушки зерна или выпечки хлеба, но и для жарки рыбы, мяса и т.д.

Таким образом, ни один из предметов, относящихся к орудиям обработки зерновых, не может служить неоспоримым доказательством развитого земледельческого хозяйства. Кроме того, орудия такой обработки могли находиться и в домашнем обиходе тех людей, кто регулярно потреблял, но не производил хлеб и прочие земледельческие культуры.

Некоторый интерес для нашего исследования представляют помещения, в которых на славянских памятниках Дона было обнаружено зерно. Среди них в первую очередь обратим внимание именно на те, которые не имели других функций, кроме хранения запасов продовольствия. Таковыми должны быть признаны хозяйственные ямы Кузнецовского городища № 1 и № 2, раскопанные Н.В. Валукинским и И.Д. Смирновым, а также яма Животинного городища № 171.

Остатки хозяйственной ямы № 1 Кузнецовского городища имели вид сооружения прямоугольной формы размером 1,25 × 1,50 м, углубленно-

го в грунт на 0,35-0,60 м. По углам ямы оказались следы углублений от столбов. Пол ямы был выстлан берестой, остатки которой обнаружены под скоплением обугленных зерен пшеницы, собранных здесь, как уже указывалось выше в количестве до 16 кг. Здесь же лежали обломки нескольких обычных глиняных горшков больших размеров.

Несколько хуже сохранилась, расположенная здесь же, хозяйственная яма № 2. Она также представляла собой углубленную в землю постройку, размером 1,35 × 1,40 м и глубиной 1,05 м. С одной стороны яма имела прямоугольное расширение размером 0,6 × 0,7 м, представляющее собой, повидимому, остатки входа в помещение. В одном из углов на полу встречены следы углубления от столба. На полу помещения, кроме 20 кг обугленных зерен пшеницы, были обнаружены железной острие, глиняное прясло и обломки глиняной разбитой посуды.

Площадь хозяйственной ямы № 171 Животинного городища составляет около 2 кв. м. Глубина материкового основания 1,04 м. У западной стены имеется материковая ступенька. Стены облицованы деревом (вероятно, это был сруб, так как в полу постройки не прослежено столбовых ям) и обмазаны обожженной глиной. На глубине 0,9 м по всей площади

найлены деревянные плахи шириной 8-12 см, толщиной 3-4 см – остатки пола. Под деревянным полом был плотно слежавшийся гумусный слой, в котором также встречено горелое зерно.

Таким образом, характерной особенностью известных зернохранилищ донских славян может быть названо древесное покрытие пола, что встречается, по меньшей мере, в двух случаях из трех. Максимальные размеры этих помещений не превышают 2 кв. м. Углубление построек в грунт достигает не более 1 м. Все они, по оценке А.З. Винникова, должны быть определены как погреба-амбары, мощные деревянные конструкции стен которых, позволяли сооружать капитальное перекрытие с обязательной насыпью толстого слоя земли сверху. За счет этих особенностей внутри помещения создавался микроклимат, необходимый для хранения зерна [8, с. 42].

Строения № 16 и № 22 Титчихинского городища и строение № 22 Большого Боршевского городища отнесены к жилым постройкам полуземляночного типа. В первых двух полуземлянках зерно было обнаружено на дне и стенках сосудов, а в последнем случае остатки обгорелого проса нашли в очаге [21, с. 188]. Но самый большой интерес представляют строения № 55 Животин-

ного городища и № 24 Кузнецовского городища.

Строение № 55, судя по обнаруженным в нем материалам, имело особое значение. Диаметр оставшейся от него ямы составлял около 0,8 м, глубина – 0,42-0,6 м. Дно ямы не совсем ровное, чуть вогнутое. В северной части в полу расчищена небольшая овальная ямка, возможно, от столба для навеса. Яма заполнена сильно гумусированным черноземом с большим количеством угольков. В самой нижней части заполнения найдены 23 обгоревших астрагала (три из них с отверстиями), маленький лепной славянский сосудик, точильный камень и много горелого зерна. Зерно было сосредоточено в центральной части и лежало на обломках сильно сгоревшей бронзовой чаши (или котла, так как сохранились железные ушки), которая стояла на какой-то деревянной подставке, также сгоревшей. При значительной плотности размещения жилых и хозяйственных построек на городище, яма № 55 расположена на некотором удалении от жилых и хозяйственных строений. Весь комплекс перечисленных факторов дал А.З. Винникову возможность рассматривать эту яму как культовое сооружение для совершения каких-то языческих обрядов [8, с. 120].

Землянка Г или № 24 Кузнецов-

ского городища отнесена авторами раскопок к жилым помещениям. Ее Неправильная яма землянки Г или № 24 Кузнецовского городища была углублена в грунт на 1-1,05 м, длина северной стены составляла 4,1 м, южной – 4,4 м, восточной – на 3,3 м и западной – 4 м. По трем углам и у двух стен были обнаружены следы столбов. Куча камней от очага находилась в юго-восточном углу помещения. Около восточной стены на дне землянки лежали остатки обугленного бревна. Сгоревшее дерево в виде скоплений угля было найдено и в других местах в нижних слоях насыпи землянки. Возможно, постройка погибла от пожара. В центре жилища на площади 1 кв. м. лежали обгорелые зерна пшеницы. Здесь же были обнаружены обгорелое бобовое зерно и две обугленные скорлупы лесных орехов. Среди зерен были найдены золотой перстень с массивным щитком, имеющим вид круглого медальона с грубой орнаментацией, в которой нельзя, однако, уловить никакого правильного узора, и костяное острие обычного характера. Среди крупных костей животных, лежащих в разных местах на полу землянки, обращает на себя внимание череп быка, находившийся на обломках глиняного сосуда в форме противня, диаметром около 1 м и высотой 0,20-0,25 м. На облом-

ках противня были обнаружены обгорелые зерна пшеницы. Хотя авторами раскопок землянка № 24 была отнесена к жилым помещениям, мы, по видовому составу обнаруженных здесь материалов, склонны видеть в ней, как и в предыдущем случае, приметы культового сооружения, где осуществлялись некие жертвоприношения животных и продуктов питания.

В контексте описанных выше построек невольно вспоминаются так называемые *глиняные хлебцы*, встречающиеся на Животинном городище. Они представляют собой круглые или овальные лепешки, сделаны из хорошо промешанной глины. На некоторых остались вмятины от пальцев, а на одной – даже от зубов. Встречаются они чаще всего в жилищах. И.П. Русанова считает, что «хлебцы» имели культовое, магическое значение» [29, с. 17].

Присутствие на поселениях донских славян археологических следов земледельческого культа, описанного арабскими авторами, убеждает, что эта отрасль хозяйства, несмотря на ее вторичность, все же являлась в представлении боршевцев очень важной частью их бытия.

Таким образом, синтез имеющихся на сегодняшний день археологических материалов и письменных источников позволяет нам ут-

верждать, что земледелие отнюдь не было главной отраслью производства донских славян, хотя и играло в их жизни довольно серьезную роль. В заключении мы осмелимся высказать еще одну мысль, которая возможно покажется нашим коллегам несколько преждевременной. Преобладание в хозяйстве донских славян промыслов и скотоводства над земледелием послужило тем самым фактором, благодаря которому зна-

чительная часть боршевцев в середине X века, в период передела сфер влияния в Восточной Европе между кочевниками, Киевским государством, Волжской Булгарией и Хорезмом после гибели Хазарского каганата, смогла подвергнуться миграционным процессам и сравнительно легко уйти с, казалось бы, насиженных мест.

Список источников и литературы

1. Алексеев Л.В. Полоцкая земля. М., 1966.
2. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX-XIII вв. М., 1980.
3. Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.
4. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. /Вступ. ст., коммент. и перевод Е.Ч. Скржинской и М. Михайловского. М.:Л., 1971.
5. Бартольд В.В. Извлечения из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар»: Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг.» // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М., 1973.
6. Беляев Н.Т. О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса //Seminarium Kondakovianum. Т. 1. Praha, 1927. С. 247-285.
7. Браичевский М.Ю. Римська монета на території України. Київ, 1959. С. 27-37.
8. Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII-начало XI века). Воронеж, 1995.
9. Винников А.З. Славянское Животинное городище на р. Воронеж //Путь из Булгара в Киев. Сб. научн. ст. Казань, 1992.
10. Воскресенская летопись. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Рязань, 1998.
11. Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.

12. Громова В.И. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа // МИА. 1948. № 8.
13. Довженок В.И. Землеробство Древньої Русі до середини 13 ст. Київ, 1961.
14. Древняя Русь в свете зарубежных источников /М.В. Бибииков, Г.В.Глазырина, Т.Н. Джаксон и др.; Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2000.
15. Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону //МИА. 1948. № 8.
16. История монгалов / Дж. дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М., 1997.
17. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.
18. Кулишер И.М. Хлебная торговля в средние века // Народное хозяйство. Кн. III. СПб., 1901.
19. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII- первая половина IX вв.) //МИА. 1968. № 152.
20. Минасян Р.С. Классификация жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н.э.) // СА. 1978. № 3.
21. Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.
22. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. //Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
23. Перхавко В.Б. Хлеботорговля в Древней Руси //Отечественная история. 1996. № 4. С. 16-28.
24. ПСРЛ. Т. 1. М., 1962.
25. ПСРЛ. Т. 2. М., 2001.
26. ПСРЛ. Т. 9. М., 1965.
27. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) / Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М., 1971.
28. Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.
29. Русанова И.П. Славянские древности VI-IX вв. Между Днепром и Западным Бугом // САИ. 1973. Вып. Е1-25.
30. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
31. Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984.

32. Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

33. Пряхин А.Д., Тропин Н.А. Многослойное Воргольское городище (по данным раскопок 2007 г.) //Вестник Елецкого государственного университета. Серия «История. Археология». Вып. 22. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. С. 32-64.

34. Пряхин А.Д., Тропин Н.А. Исследования славянского горизонта на многослойном Воргольском городище в 2007 г. //Востоочнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья: мат. науч. конф. Воронеж: Истоки, 2008. С. 98-100.

35. Цалкин В.И. Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ //Советская археология. 1964. № 4.

36. Шекера І.М. Київська Русь XI ст. у міжнародних відносинах. Київ, 1964.

37. Шостьин Н.А. Очерки истории русской метрологии. XI- начало XX века. Изд. 2. М., 1990.

38. BGA (Bibliotheca geographorum arabicorum / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum.), t. VII.

39. Hudud al-'Alam. «The Regions of the World». A Persian Geography circa 372 A.H. – 982 A.D. / Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold transl. from the Russian. London, 1937.

40. Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi on China, the Turks and India / Arabic text Op. cit., by V. Minorsky. London, 1942.

References:

1. Alekseev L.V. Polockaya zemlya. M., 1966.

2. Alekseev L.V. Smolenskaya zemlya v IX-XIII vv. M., 1980.

3. Aristov N.YA. Promyshlennost' Drevnej Rusi. SPb., 1866.

4. Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkih svyazej v XV v. /Vstup. st., komment. i perevod E.CH. Skrzzhinskoj i M. Mihajlovskogo. M.:L., 1971.

5. Bartol'd V.V. Izvlecheniya iz sochineniya Gardizi «Zajn al-ahbar»: Pri-lozhenie k «Otchetu o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoj cel'yu. 1893-1894 gg.» // Bartol'd V.V. Sochineniya. T. VIII. M., 1973.

6. Belyaev N.T. O drevnih i nyneshnih russkih merah protyazheniya i vesa //Seminarium Kondakovianum. T. 1. Praha, 1927. С. 247-285.

7. Brajchevskij M.YU. Rims'ka moneta na teritorii Ukraïni. Kiïv, 1959. S. 27-

37.

8. Vinnikov A.Z. Slavyane lesostepnogo Dona v rannem srednevekov'e (VIII-nachalo XI veka). Voronezh, 1995.

9. Vinnikov A.Z. Slavyanskoe ZHivotinnoe gorodishche na r. Voronezh //Put' iz Bulgara v Kiev. Sb. nauchn. st. Kazan', 1992.

10. Voskresenskaya letopis'. Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu. Ryazan', 1998.

11. Golubovskij P.V. Istoriya Smolenskoj zemli do nachala XV st. Kiev, 1895.

12. Gromova V.I. Ostatki mlekopitayushchih iz ranneslavyanskih gorodishch vblizi g. Voronezha // MIA. 1948. № 8.

13. Dovzhenok V.I. Zemlerobstvo Drevn'oï Rusi do seredini 13 st. Kiïv, 1961.

14. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov /M.V. Bibikov, G.V.Glazyrina, T.N. Dzhakson i dr.; Pod red. E.A. Mel'nikovoj. M., 2000.

15. Efimenko P.P., Tret'yakov P.N. Drevnerusskie poseleniya na Donu //MIA. 1948. № 8.

16. Istoriya mongalov / Dzh. del' Plano Karpini. 3-e izd. Puteshestvie v Vostochnye strany / G. de Rubruk. 3-e izd. Kniga Marko Polo. 4-e izd. / Vstup. st., koment. M.B. Gornunga. M., 1997.

17. Kropotkin V.V. EHkonomicheskie svyazi Vostochnoj Evropy v I tysyacheletii nashej ehry. M., 1967.

18. Kulisher I.M. Hlebnaya trgovlya v srednie veka // Narodnoe hozyajstvo. Kn. III. SPb., 1901.

19. Lyapushkin I.I. Slavyane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva (VIII- pervaya polovina IX vv.) //MIA. 1968. № 152.

20. Minasyan R.S. Klassifikaciya zhernovogo postava (po materialam Vostochnoj Evropy I tysyacheletiya n.eh.) // SA. 1978. № 3.

21. Moskalenko A.N. Gorodishche Titchiha. Voronezh, 1965.

22. Novosel'cev A.P. Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI-IX vv. //Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. M., 1965.

23. Perhavko V.B. Hlebotorgovlya v Drevnej Rusi //Otechestvennaya istoriya. 1996. № 4. S. 16-28.

24. PSRL. T. 1. M., 1962.

25. PSRL. T. 2. M., 2001.

26. PSRL. T. 9. M., 1965.

27. Puteshestvie Abu Hamida al-Garnati v Vostochnuyu i Central'nyu Evropu (1131-1153 gg.) / Publ. O.G. Bol'shakova, A.L. Mongajta. M., 1971.

28. Rikman E.H.A. Ehtnicheskaya istoriya naseleniya Podnestrov'ya i prilegayushchego Podunav'ya v pervyh vekah nashej ehry. M., 1975.
29. Rusanova I.P. Slavyanskije drevnosti VI-IX vv. Mezhdud Dneprom i Zapadnym Bugom // SAI. 1973. Vyp. E1-25.
30. Rybakov B.A. Remeslo Drevnej Rusi. M., 1948.
31. Rybakov B.A. Iz istorii kul'tury Drevnej Rusi. Issledovaniya i zametki. M., 1984.
32. Tihomirov M.N. Posobie dlya izucheniya Russkoj Pravdy. M., 1953.
33. Pryahin A.D., Tropin N.A. Mnogoslojnoe Vorgol'skoe gorodishche (po dannym raskopok 2007 g.) // Vestnik Eleckogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istorija. Arheologiya». Vyp. 22. Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2008. S. 32-64.
34. Pryahin A.D., Tropin N.A. Issledovaniya slavyanskogo gorizonta na mnogoslojnom Vorgol'skom gorodishche v 2007 g. // Vostochnoslavyanskij mir Dneprodonskogo mezhdurech'ya i kochevniki yuzhno-russkih stepej v ehphu rannego srednevekov'ya: mat. nauch. konf. Voronezh: Istoki, 2008. S. 98-100.
35. Calkin V.I. Fauna iz raskopok borshevskih i romenskih gorodishch // Sovetskaya arheologiya. 1964. № 4.
36. Shekera I.M. Kiivs'ka Rus' XI st. u mizhnarodnih vidnosinah. Kiiv, 1964.
37. Shost'in N.A. Ocherki istorii russkoj metrologii. XI- nachalo XX veka. Izd. 2. M., 1990.
38. BGA (Bibliotheca geographorum arabicorum / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum.), t. VII.
39. Hudud al-'Alam. «The Regions of the World». A Persian Geography circa 372 A.H. – 982 A.D. / Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold transl. from the Russian. London, 1937.
40. Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi on China, the Turks and India / Arabic text Op. cit., by V. Minorsky. London, 1942.